

Ульмесбай

ПЕРВАЯ ОХОТА

Начинаю с уговора:
Кто не хочет — не читай!
Но не лезь потом с укором —
Дескать, ври, да меру знай!
Вот он сам — сидит не тужит,
У костра портянки сушит
Храбрый сын Урал-батыра
Знаменитый Ульмесбай.

Он сидит среди бойцов —
Старожилов и юнцов,
Греется, пошучивает,
Редкий ус покручивает.

А в сторонке под рябиной,
Крепко связан,
рыжий, длинный,
Фриц лежит, как заяц, бьется.
А в глазах — и страх, и злость.
Ульмесбай глядит — смеется:
— Не брыкайся, не елозь!
Как подвешу на портянке
Посреди лесной полянки,
Успокоишься небось!

Смех шрапнелью раскатился!
— Где ты «зайцем» разживился?
— Ну, рассказывай давай!..

Усмехнулся Ульмесбай.

Тут упрашивать не надо
И не надо торопить —
Был бы повод у солдата
Да охота говорить.

Он хитро поглядывает —
Так и так, — докладывает:

— Я охотник, дед, и прадед,
И отец, и вся родня.
Оттого, хоть на ночь глядя,
Так и тянет в лес меня.

Хоть в какую непогоду
Отыщу звериный след.
Дай-ка в рощу на охоту
Отлучусь, терпенья нет!

Ну, для собственной отваги
Отхлебнул глоток из фляги,
Просветлела голова,
Две «лимонки» — в рукава.

Ночь, луна, как по заказу,
Звезды будто светляки:
На любого зверя сразу
Ставь капканы да силки.

Ветки голые — что кости,
В елках лешие видны.
Тут идешь не то что в гости
Или к теще на блины.

Что ни шаг — кругом подвох.
Тут мне в спину: «Хенде хох!»

Я, конечно: «Битте-дритте»,
Руки вверх, башкой верчу —
Мол, чего теперь? Берите!
И «Хайль Гитлер!» им кричу.

И фашист — ладонь вперед:
«Хайль!» — как бешеный, орет.

Ну, «похаяли» мы вместе,
Тут вся свора — из кустов.
Обыскали честь по чести,
Правда, кроме рукавов.
И с вопросом: «Кто таков?»

Дышут вонью, хуже смерти,
Тычут в грудь для куражу.
Я и брякнул:

— Тише, черти!

В штаб ведите, все скажу.

Недосуг точить мне лясы,
Отвечать на «вас ист дасы»!

Ну, приводят. Здравсьте — здрасьте.
Офицер — что твой верблюд:
Мослоногий, рыжей масти,
Глазки злобою плюют.

— Отвещать! Ты есть разведчик?!
Где твой часть?! —

А я в ответ:

Мол, при всех такие вещи
Говорить не стану, нет!

Что-то хрюкнул он такое:
Все — за дверь. Теперь как раз
Нас в землянке оба-двое,
К носу нос и глаз на глаз.

— Кто я есть? Я сын солдата.
А явился в этот мир
Я из рода Салавата,
То есть попросту — башкир.

Он сопит, развесил уши,
Озирается на дверь:
— Салават... Башка... Послушай,
Это... то есть что за зверь?!

— Тот, который с братом русским
Вас бивал, и не впервой,
Как на озере на Чудском,

Так и нынче под Москвой!
Стой, ни с места! А иначе
Сам поймешь наверняка,
Что «башкир» на деле значит
Для тебя — «секир башка»!

— Ты шутник! — кричит. — Примолькни!
Я тебя... за этих слофф...

Тут для верности «лимонки»
Вытряс я из рукавов.

— Ты наганом зря не хвастай,
Положи на край стола.
Разожму ладонь — и баста!
Оба — уголь да зола!
А шутить мы будем после,
Да попляшем — день придет,
Когда Гитлеровы кости
В поле ворон доклюет.

И ему «лимонку» в нос:
Нет вопросов? Есть вопрос.
Мой верблюд дрожит, как заяц:
— Что ты хочешь?.. Говори...

— В гости к нам пойдем, красавец,
Да не балуйся смотри.
В нашей песенке поется,
И тебе пора узнать:
Хоть оглобля разойдется —
Ей коня не обогнать!
Посидеть бы нам рядком,
Попивать чаек с медком,
Байки баять до утра —
Да не та теперь пора!
Возвращаться надо срочно.
Будешь жить — уж это точно,
Да меня благодарить.

Ох, скажу вам, было тошно
Из землянки выходить!

Часовые вдоль дороги
Да разъезды, как на грех.
Он шагает — руки в боки,
Я шагаю — руки вверх.

Все посты — по стойке «мирно»,
Да ему не в интерес.
Так мы, в общем, тихо-мирно
И пришли в пичейный лес.

...Рассказал вам без утайки
Все как было, ей-же-ей!
Вот — промок, сушу портянки.
Вот на травке — мой трофей.

А не то откуда б взяться
Немцу этому в лесу?
Так что вот — сходил на зайца.
Собираюсь — на лису.

СВАДЬБА

Жаль, что вы о Теребае
Не слышали ничего.
Он из нашенского края.
Свой, разведчик. Вспоминаю
Очень часто про него.

Едем как-то я — на Рыжем,
Он за мною — на Гнедом.
Ничего вокруг не вижу,
Околдованный письмом,
Хоть все строчки на листочке
Зачитал до самой точки:

«Здравствуй, мой разведчик бравый,
Ненаглядный мой джигит!
По всему Уралу слава
О тебе давно гремит.

Я горжусь тобой, а все же
Больше плачу, чем смеюсь.
Что ж не пишешь, мой хороший,
Что ж ответа не дождусь?

Мне бы птицей обернуться —
Полетела б к мил-дружку,
Мне б крылом тебя коснуться,
Чтобы вспомнил Гульбику...»

Вот какие это строки,
Радость в сердце — через край.
Вдруг — старик среди дороги:
— Эй, здорово, Ульмесбай!

Сам с вершок, а борода —
Семь вершков, и вся седа!

— Шлем башкирскому джигиту
Белорусский наш салам!
Ты, по слуху, знаменитый,
Но хочу проверить сам.

— В чем же дело?
— Как сказать бы...
Дело тонкое... война...
Как насчет, положим, свадьбы?
— Кто ж невеста?
— Есть одна...

— Нет, — смеюсь, — уволь, дедуня,
Что-то нынче не с руки:
Распрекрасна ваша Дуня,
Да не лучше Гульбики!

Дед — свое: — Покончим ладом! —
Бородою пыль метет.—
Ладно, будь на свадьбе сватом.
Ну, хоть шафером. Идет?

Вот прилип как банный лист!
— А жених?
— Жених — фашист...

Я гляжу на Теробая,
Ничего не понимаю.
Дед вокруг похаживает,
Бороду оглаживает:

— Али шафером не лестно?
Погулял бы ты у них:
Дочка старосты — невеста,
Офицер — при ней жених.
Дом богатый, третий с краю,
Так что знатных жди гостей.

Смех пропал у Теробая
От веселых новостей.
— Приготовь для них подарки,—
Дед косит лукавый глаз,—
Как пойдут по третьей чарке,
Тут подарки — в самый раз!
Ну, так как же? Завтра — поздно.
Хоть до шуток я охоч,
Говорю тебе серьезно:
Нынче свадьба. Нынче, в ночь.
Как шесток обсядут куры,
Приходи сюда с дружкой.
А невеста, точно, — дура!
Поспешила с женихом.
Да ведь ты ей не знаком...

Покатились мы от смеха,
Обхватясь за животы.
Глядь, а дед исчез — потеха:
Ни его, ни бороды.
Ветер-вьюн замел следы.

Жаль, до вас о Теробае
Не дошел солдатский слух.
Он в башкирском нашем крае
Первый свадебный петух.

Всем он — дружка закадычный,
По три пуда кулаки.
Но обычай есть обычай:
Коли свадьба — бей горшки!

То у нас. А тут — тем боле:
Тут себя не пожалей,
Бей горшки, была бы воля,
Все простится, не робей,
Бей фашистов, гадов бей!

Что кремень — джигитов слово,
Слово крепкое, с искрой!
Вдоль опушки скачут снова
Рядом Рыжий и Гнедой.

Рожь грустит, глядит покорно,
Ждет, когда ее сожнут.
Кто ж ее уложит в копны,
Если танки здесь пройдут?
Все растопчет лихоимец,
Все, что сеем и растим.
Хлеб насущный, хлеб-кормилец.
Не спасем — так отомстим!
Вот на свадьбе погостим...

Собирали мы подарки,
Наряжались в самый раз,
Чтобы дружки и товарки
Не краснели из-за нас.

На шесток забрались куры,
То есть — время. А гляди —
Хлынул дождь, грохочет буря,
Зги не видно впереди.

Только ласточки цветные
Разрезают небеса,
Озаряя неживые
За деревнею леса.
Ласточки залетные —
Красные, зеленые...

Лес кряхтит, глядит сурово,
Промочил до нитки дождь.
Лучше вечера такого
Для гулянья не найдешь!

Что кремень — джигитов слово,
Слово крепкое — с искрой!
Вот на свадьбу рядом снова
Скачут Рыжий и Гнедой.
Тут кричат с дороги: «Стой!»

Дед — с вершок, а борода —
Семь вершков, и вся седа,
Бородою машет,
Ждем, чего он скажет.

Он по дубу — бух! — клюкою,
Ничего не говоря.
Тут из дуба — сразу трое,
Словно три богатыря!
Хоть не так длиннороды,
Видно, дедовой породы.

Дед глядит на них с любовью:
— Вот сыны... проводят вас...
Погуляйте на здоровье,
Возвращайтесь в добрый час!
А подарки заховайте,
Чтобы с жару поднести.
А теперь с коней слезайте,
И — счастливого пути!

Дед исчез с конями вместе.
Дождь строчит, как автомат.
Впятером идем к невесте,
Пятый — я, как главный сват.

Час шагаем, два шагаем,
Может — сутки, может — год,
Дождь ругаем, ночь ругаем,
Переходим речку вброд,
Лезем на гору, и вот:
За церквушкою — усадьба,
Дом сияет в пять окон,
Братья молвят:
— Вона свадьба!
Ишь пирует, скарпийн!

Поделили мы гостинцы
Меж собой до одного,
Чтобы было с чем явиться,
Не обидеть никого.
И — ползком за изгородь,
Брюхом грязь разбрызгивать.

Заложили под углами
Драгоценные дары,
Лезем в окна, смотрим сами,
Что там будет? — до поры.

Пир — горой! Признаться честно,
Не с того взяло нас зло:
Ну, невеста как невеста,
Все на месте, как из теста,
На столе от шнапса тесно,
А с того разобрало,
Что выходит интересно:
Нам — дрожи, а им — тепло!

В доме — тосты, танцы, пенье,
А у нас — кругом вода.
Нет уж, лопнуло терпенье,
Извиняйте, господа!
Мы сюда — не песни слушать,
Бить фашистов — не баклуши,
Вот зачем пришли сюда!

Запалили разом трут,
«Горько» крикнули — и тут

Дым, огонь, как в преисподней,
Вот уж правда — пир горой!
Свора гадов — чуть не сотня! —
Распрощалась с головой.

Ох и было небу жарко
От башкирского подарка!

Говорю я для приличья
Теребаю за рекой:
— Как считаешь, мы обычай
Не нарушили какой? —
Он, смеясь, махнул рукой:

— Мы подарки им вручали?
Все отдали, под обрез.
Величали? Величали.
Аж до самых до небес!
«Горько» было, стекла били,

Чтоб уважить торжество?
Так что вроде не забыли
Мы на свадьбе ничего...

Долго фрицы помнить будут
Про обычаи башкир,
Да и нас не позабудут,
Вспоминая этот пир.

Вот была какая свадьба,
Не бывает веселей.
Эх, дожить бы, поплясать бы
С Гульбикою на своей!

НА РЫБАЛКЕ

Что за яблоки медовы
Скачут под ноги в саду!
Что за девушки бедовы,
Чернобровы, на беду!
Лебеда-лебедушка,
Хороша молодушка,
Юная гордячка,
Смуглая казачка!

Отдыхаем — передышка —
В уцелевшем хуторке.
Бабье лето. Еле слышно
Рыба плещется в реке.

За рекою — косогоры,
Гребешком — еловый бор.
Там порой урчат моторы,
Рыщет вражеский дозор.

А у нас — камыш с рогозом
Над водой, как сизый дым.
Отдыхаем. Сено косим,
На конях своих же возим,
Спим на сене, ус растим,
Сабли загодя вострим.

Птиц глазами провожаем
На распахнутый большак.
Может быть, над нашим краем
Эту стаю вел вожак.
Птичий стон плывет в ушах...

Да... К чему я это начал?
Ах, про девушку в саду!
Как-то раз иду я, значит,
Сзади конь на поводу.

Вдруг — девица у плетня,
Смотрит прямо на меня,
Жмурится на солнышке,
Лузгает подсолнушки.

Нет уж, думаю, не выйдет,
Я тебе не гусь какой,
Я уж до смерти навывлет
Ранён в сердце Гульбикой.

Потянул коня уздою,
Сам шагаю молодцом.
Да ведь дело молодое —
Перекинуться словцом.

Гульбика-то Гульбика,
Да ведь больно далека!

— Здравствуй, красная девица,
Бел-черемуховый цвет,
Синеглазая синица,
Ждешь кого-то или нет?

Щелк! — подсолнушком в ответ.

— Для тебя синица эта
Петь не будет все равно!
— Что ж, выходит, песня спета?
Зря рассыпал я зерно?

— Пропадет твоя приманка! —
Взглядом брызнула смуглянка.—
С виду бравый ты солдат,
А усами — жидковат!

Тут хоть в землю провалиться,
Дураком себя ругай!
Глядь, в саду из-за девицы —
Кто бы это? Теребай!

Он красавицу за плечи
Тихо-ласково берет,
Он со мной такие речи,
Улыбаючись, ведет:

— Что, усами, брат, не вышел?
(У него усищи — во!)
Ждет тебя невеста, слышал,
Тоже вроде ничего.
Что ж зовешь ты Катерину
Собирать в лесу малину?

Что ни слово — то подначка!
Не успел войти я в 'раж —
Так и прыснула казачка.
Я — кругом и шагом марш!

Ссора ссоре рознь. Тем боле —
Воли гневу не давай.
Не успел я выйти в поле —
Догоняет Теребай.
О рыбалке речь заводит,
Руки в стороны разводит.
Что-то он заваривает,
Зубы заговаривает.

Ах, шайтан тебя возьми:
— Что задумал — не томи!

Он и шепчет: — У излуки,
В трех верстах за тем мостом,
Встали три фашистских щуки
То ль дозором, то ль постом.
Там гуляли мы с Катюшей —
Было время разглядеть.
Интересно? Ну так слушай:
Надо срочно ставить сеть!

В честь рыбалки установлен
И подписан вечный мир.
Нас по части рыбной ловли
Наставляет командир:

— Не по щучьему веленью
Вы идете, рыбаки.
Скоро снова наступленье,
Очень кстати «языки».
Не вспугните грозным видом,
Не глушите динамитом,
Не помните плавники.

Пахнет даль польвью горькой,
Пахнет сладкой резедой.
Скачут на гору да с горки
Рядом Рыжий и Гнедой.
За мостом — с коней долой.

Дальше — топи да болота,
Тальники да камыши.

Кличет перепел кого-то
В заполуденной тиши.
Если жить тебе охота —
Хоть умри, а не дыши.

Вот и берег, шум рогоза,
Теребай кивает: тут!
Над кувшинками стрекозы
Воздух крыльями стригут.
Рябь искрится, словно галька,
Солнце ивы ворошит.
А сорока, что гадалка,
Зазывает, ворожит.

Ждем. Снимаем до исподней
Всю одежду, всю как есть.
Потому что голым сходней,
Если надо, в воду лезть.
Ждем, подаст ли кто нам весть.

А в гаданье сорочье
Верят многие не зря!

Раздвигаются кусточки —
Выплывают три «щуря»:
Автоматы, свастики,
Щучьи головастики!

Подождали. Огляделись.
Загалдели, хохоча.

Под ракитою разделись —
Всё на землю, всё с плеча:
Занялись блошиной казнью
Три горластых палача.
Щелк! — ногтями, как зубами, —
Видно, было не до бани!

Перебрали терпеливо
Гимнастерки и портки
И бочком-бочком, стыдливо
Встали около реки:
Солнце, птицы, тростники...

Красота-то, красота,
Коль не эта срамота!

Тут один по-бабьи взвизгнул,
Обхватил руками грудь,
Побежал, взметая брызги,
Поднимая в речке муть,
Окунается по пояс,
Ни о чем не беспокоясь.

Два других вошли степенно,
Тяжело, как кабаны,
И шльвуют, взбивая пену,
Отдуваясь от волны, —
Прямо к нам, и третий тоже
Вслед за вами, ну и рожи!

Тут пришло и наше время:
Воздух в жабры — и на дно.
Проплывает щучье племя
По-над нами, как в кино.
Что там видно — не обидно,
А существенно одно:

Что выныриваем разом
Мы на ихней стороне!

Тут у фрицев — ум за разум,
Что естественно вполне.
Смотрят взглядом косоглазым,
Словно видят нас во сне.

Мы берем их автоматы:
— Руки вверх! — Да в том и суть,
Что они стараться рады:
Лапки кверху — и тонуть!

Мы — команду им другую:
Дескать, к берегу тому
Выплывай, не паникуя,
Выходи по одному.

Сами речку переплыли.
Одеваемся, спешим.
Только тут сообразили,
Что в горячке позабыли
Прихватить одежду им.

Не вести же в чем их мама
Родила на белый свет:
Оберешься только сраму,
Засмеют, ославят — нет!

Лопухи — одна надежда,
Вон их сколько у ольхи!
Очень важная одежда,
Если правильно, конечно,
Приспособить лопухи!

У моста садимся в седла,
Продолжаем свой конвой.
На пригорке пышат стекла,
Дым багровый над трубой.
Славно сказано — «Домой!»

Но в пути от серой пыли
Почернели на глазах —
Будто их вовек не мыли —

Три фашиста в лопухах:
Перемазаны, как черти,
Перепуганы до смерти!

В хуторке народ хохочет,
Потешается народ.
На воротах шалый кочет,
Как зарезанный, орет.
Дело, вижу, принимает
Всенародный оборот.

Всенародная потеха,
Дорогая в этом суть:
Если стало больше смеха,
До победы — меньше путь!

И от хутора к станице,
От станицы до столицы,
От столицы — на весь мир
Ходит слава про башкир!

1942—1944